Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Темное царство без луча света

15.01.2026.

Photo © Ye Jing Han/Unsplash

Моим читателям со стажем не надо представлять Сашу Филипенко, белорусского автора-диссидента, лауреата многих литературных премий, в последние годы живущего в Швейцарии. Те, кто читают по-русски, знают о нем чуть больше , те, кто по-французски – чуть меньше, но всем понятно, что его любимый литературный цвет – черный. Он пишет о самом мрачном в известной ему действительности – белорусской («Бывший сын») или российской («Кремулятор»), причем не важно, развивается ли сюжет в 1930-е годы или в наши дни. Кто-то может упрекнуть его в сгущении красок, но это уже личная оценка каждого читателя.

Роман «Возвращение в Острог», о котором я расскажу вам сегодня, был изначально опубликован в 2019 году в журнале «Знамя», одном из самых уважаемых толстых литературных российских журналов, отмечающем в этом году свое 95-летие. Именно эту журнальную версию я перечитала накануне выхода французского перевода, сделав несколько пометок уже на первой странице: мне показалось, что не лишним будет кое-что пояснить моей разноязыкой аудитории помимо объявленной в

коротком прологе развязки – самоубийства главного героя, тезки автора. Видимо, такая же потребность возникла и у переводчицы Марины Скаловой, написавшей предисловие к франкоязычному изданию. Позволю себе что-то дополнить и с чем-то не совсем согласиться.

Действие романа происходит в городе Острог в если не совсем точно указанный, то понятный исторический момент: перестройка и гласность Михаила Горбачева остались лишь в воспоминаниях, а Крым уже «наш». В современной России города с названием Острог, насколько мне известно, нет, но он есть в Украине, напоминая о временах, когда она входила в состав Российской империи, где остроги появились на рубеже XI-XII веков. Вообще, острог – это фортификационное сооружение, постоянный или временный населённый пункт, обнесённый частоколом из заострённых сверху брёвен высотой 4 – 6 метров, а этимология этого слова связана с глаголом *строгать,* самым что ни на есть бытовым глаголом, без малейшей политической или эмоциональной окраски. Но: в XVIII-XIX веках, то есть гораздо ближе к нам, словом «острог» также называли тюрьму, располагавшуюся в деревянной рубленной постройке. Тогда же возникло дошедшее до наших дней выражение «сослать в острог», означающее «отправить человека в тюрьму», а в более широком смысле – в ссылку, в изоляцию, на тяжёлый труд или в отдалённые, труднодоступные места.

Зная это, совершенно по-иному воспринимаешь название романа: «Возвращение в Острог» – это возвращение целой страны назад, к пресловутому пушкинскому разбитому корыту после короткого периода эйфории. Такому короткому, что порой кажется, будто и не было его вовсе, и никто из острога не выходил. Образ тотальной тюрьмы подчеркивается на все той же первой странице и клеткой с попугаем, слишком ярким для безликого кабинета участкового. Хозяин птицы (подарок дочери) не выпускает ее из клетки из принципиальных дидактических соображений: «Птица должна запомнить, что клетка – ее дом». Нужны ли комментарии?

Роман поделен на разные по объему части, определенные не как главы, но как песни – их двадцать четыре. Марина Скалова объясняет франкоязычному читателю, что речь идет об отсылке к «Одиссее» Гомера. Вполне вероятно, что именно это имел в виду автор, но у меня сразу возникла ассоциация с Данте: его «Божественная комедия» тоже состоит из песен, а провинциальный российский город Острог, описанный Сашей Филипенко, - это настоящий ад на земле, где «сосед соседу и сокамерник, и надзиратель». То, что роман написан в настоящем времени, несколько удивляет, но усиливает ощущение постоянства такого положения дел.

И вот в этот ад приезжает – возвращается! – московский следователь, ветеран чеченской войны Александр Козлов. Приезжает для расследования серии самоубийств среди воспитанников местного детского дома, еще одной разновидности тюрьмы – в день его приезда четвертый подросток сводит счеты с жизнью! Задача следователя вполне конкретна: найти стрелочника, то есть кого-то, на кого можно свалить «доведение до самоубийства», согласно статье 110 Уголовного кодекса РФ. Мария Скалова полагает, что фамилия следователя «говорящая», но я в этом не уверена. Фамилия эта распространенная, а следователь – далеко не «козёл». Настолько, что это даже вызывает сомнения в правдоподобности персонажа. Страдая от того, что от него ушла жена, он тем не менее хранит ей верность и не поддается даже на чары московской журналистки

Агаты – вот говорящее имя, когда дело касается детектива!, - которая сама приходит в его гостиничный номер. (На ее примере Саша Филипенко прошелся по всей журналистской братии: самоуверенная Агата просит Siri ответить на вопрос, почему дети кончают жизнь самоубийством, а берясь за материал, думает лишь о том, сколько лайков он соберет.) И даже его трагический финал автоматически делает его скорее положительным героем. По крайней мере, героем сомневающимся.

Другое дело – фамилия уже бывшего на начало событий мэр Острога Кичмана, с целью засадить которого в тюрьму Козлов приезжал в этот город в первый раз. Такую фамилию взял себе отсидевший семь лет Аркадий, после выхода на свободу начавший успешный бизнес по производству ватных палочек, доросший до статуса олигарха средней руки и ставший мэром – на тюремном жаргоне «кича» (или «кич») означает тюрьму. Налицо и еврейская коннотация – «нормальный» человек такой псевдоним не взял бы. Даже в шутку. Из той же серии имена сиамских близнецов – Вера и Любовь, заметьте, без Надежды! – «единственной и настоящей достопримечательности Острога». Тут подтекст понятен даже далекому от российской политики читателю: сросшиеся сестры «после присоединения Крыма никак не могут найти общий язык. Одна теперь за Россию, вторая за хохлов. Гавкаются каждый день. Любовь ходит с расцарапанным лицом, а Вера – с разбитой губой. Мы все думали, что они помирятся, все-таки как-никак одно целое, но вот третьего дня Люба притащила заявление – хочет отделиться от сестры». Так описывает ситуацию острожский следователь Михаил, и выбор слов «присоединение» и «хохол» дают русскоязычному читателю четкое представление о его политических взглядах, а остальным помогут комментарии переводчика.

А как не упомянуть рассуждающего об Алексее Толстом и Мусоргском священника по имени Каземат, которое без труда расшифруют и франкоязычные читатели, как и название главного увеселительного заведения Острога – караоке «Бастилия»?

По другую сторону всей этой мрачной реальности находится Петя Павлов – бывший детдомовец, не прижившийся в приемных семьях из-за своей излишней правильности. Он – с большими странностями. По крайней мере, по оценке жителей Острога, хотя швейцарский читатель может и не усмотреть ничего странного в том, что Петя вежлив с окружающими и требует вежливого обращения с собой («Нет для русского человека вещи более оскорбительной, чем вежливое к нему обращение») и переходит улицу только в положенных местах, даже если ради этого приходится пройти лишний километр. Петя, проживающий в бывшем тюремном бараке (!) – дальний литературный родственник Юродивого, юный толстовец, которые и мухи не обидит, блаженный человек, стремящийся делать добро и искренне прощающий своих врагов. Он – из тех, кто устраивают одиночные пикеты, одинокие воины в бескрайних российских полях. В Остроге он выступает против постройки второго завода Кичмана из заботы о местных птицах («Завод – смерть дятлу») и работает «бесплатным такси» в свободное от работы на первом заводе время. Идеальный кандидат на роль козла отпущения. Тем более что именно он, провидец, выступает против затеи Кичмана с вывозом воспитанников детского дома Острога в Греции, предупреждая, что добром это не кончится. Но кто слушает юродивых? Детей свозили, показали им другую жизнь, солнце и море… Казалось бы, что плохого, ведь дети были счастливы?! Да, только потом их вернули обратно. В клетку. И вторая обещанная поездка уже не состоялась – щедрый спонсор оказался за решеткой. Блеснул лучик солнца, и погас. Все двери захлопнулись.

… Я не буду раскрывать, к чему привело расследование – автор мне этого не простит!

Отмечу лишь, что небольшая карикатурность персонажей уравновешивается присутствующей в книге федеральной российской статистикой о числе детдомовцев и самоубийств среди них. Статистика эта пострашнее любого художественного вымысла. Воспитанники детского дома Острога расстаются с жизнью по-разному: один повесился в лесу, второй бросился под поезд, третья вскрыла себе вены на свалке, четвертая выбросилась из окна. Нашли свой выход и сиамские близнецы.

Роман «Возвращение в Острог» – страшная вариация на тему одиночества и безысходности людей, лишенных надежды. В темное царство российской провинции, описанное Сашей Филипенко, не пробивается луч света, привнесенный в русскую литературу Николаем Добролюбовым. И от этого – хоть в петлю, хоть под поезд, хоть куда...

современная русскоязычная литература
русская литература в Швейцарии
русская литература на французском языке

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/temnoe-carstvo-bez-lucha-sveta*